

Редакция пролога

Этот роман – автобиографический. Соответственно, менять какие-то события, места, даты и тому подобное нельзя. Можно переставлять кусочки текста местами, делать вставки, добавлять важные описания и т.д.

*****

Это – мое объяснение прологу. Здесь нужно переписывать многое, поскольку текст не вяжется и как будто не имеет смысла.

*****

Изначально идея была про Махараджу – поезд в Индии, трансатлантический круиз или поезд Одесса–Владивосток. Поезд в Индии слишком дорогой, второй – Одесса–Владивосток – по книге не имеет смысла для главной героини, а вот круиз вполне подходит, поэтому решено описывать именно его.

*****

"Я" – это девушка –редактор по имени Тиффани, лет 25–28, которую главная героиня встретила на круизном лайнере.

Девушка, какой я ее видела, родилась в России, но во младенчестве или раннем детстве, в девяностые, ее увезли в Америку. Возможно, стоит сделать такой ход, что ее удочерила семья с мужем–американцем, где жена имеет русские корни? В те годы довольно бурно шло усыновление детей–сирот из Украины и России. Но либо биологические родители героини, либо приемные хотели, чтоб она сохранила свои русские корни. Пр выходным девушка ходила в школу на изучение русского языка, свободно читала и писала по–русски, но разговаривала как американка (иначе текст не имеет никакого смысла, ведь рукопись на русском языке). В общем, она – американка. Ей повезло, что у нее довольно состоятельные родители, которые дали ей хорошее образование в престижном колледже. Девушка попала на работу в издательство или в журнал. Тиффани – очень свободолюбивая карьеристка, она много путешествует, умная и талантливая. Типичная феминистка 21 века. За что еще сейчас молодежь 21 века? За вегетарианство, искусственный мех, спасение китов и дельфинов. Она – прямая противоположность Элизабет, которая предпочитает натуральную норку пуховикам и натуральную кожу – кожзаменителю, которые, по ее мнению, намного больше загрязняют нашу планету, поскольку являются это сплошной химией.

Тиффани встречается с Элизабет на круизном корабле. В лаундже или библиотеке, на всех кораблях фирмы Кюнард (хоть название и пишется как "Кунард", британцы произносят это как "Кюнард") есть шикарная библиотека, вся в темном дереве с поразительно удобными бархатными креслами. Повсюду снуют официанты, разносят безалкогольные напитки – фреш, смузи и стаканы воды с ломтиками лимона, что намного здоровее, а наша героиня по убеждениям за здоровое питание.

Тиффани со своим компьютером все время что-то пишет и редактирует, Элизабет замечает это и начинает интересоваться. Иногда она поглядывает на экран монитора и сразу понимает, что девушка редактирует какой-то текст. Это именно то, что интересуют

Элизабет, но эта рукопись на русском языке. Элизабет хочет узнать информацию о том, что можно сделать с такой макулатурой, и как можно издать ее мемуары. Много лет назад гадалка сказала ей, что она напишет и издаст роман после определенного возраста. Элизабет на вид где-то около сорока, поэтому о возрасте пока что речь не идет. Словом, завязался запланированный, на вид случайный разговор между Тиффани и Элизабет. Элизабет, естественно, по-английски говорит с небольшим акцентом, Тиффани это замечает и спрашивает, что у нее за акцент. Лиз отвечает, что русский, и Тиффани признается что и она также русских корней. В этот момент появляется смысл оставить девушке рукопись и удалиться по какому-либо поводу.

Тиффани из чистого любопытства открывает рукопись, а остальное прописано ниже. Лично мне этот ход подходит.

По мере того, как Тиффани читает рукопись, она начинает проводить параллели между событиями в жизни героини и своей жизнью. То есть это тоже нужно прописывать в вставках, у меня уже есть несколько примеров в рукописи.

*****

Круизный лайнер «Queen Mary», маршрут Нью-Йорк–Саутгемптон, 10 апреля 2020 года, 12:30

Дверь бара мягко открылась, и вошла элегантная дама возраста где-то за сорок, со вкусом одетая во все классическое, удивительно ясными глазами и прямой спиной. Плавнo обведя взглядом полутемный бар, она привычно двинулась к своему любимому столику на четыре персоны у открытого иллюминатора, чтобы заказать стакан свежевыжатого апельсинового сока. Однако ее столик не был пуст – его уже оккупировали две молодые женщины, по-видимому, сестры.

Дама не спеша разместилась в плюшевом кресле, поприветствовала соседок по столу, улыбнулась им и повернулась в сторону барной стойки, откуда на нее смотрел бармен с готовностью принять заказ во взгляде.

– Мне как обычно, – еле слышно, не столько сказала, сколько прошелестела губами дама.

Бармен кивнул и скрылся в глубине бара, а к ее столику подошла хостесс и что-то тихо уточнила. Дама благосклонно кивнула, сняла красный шарфик, расстегнула верхнюю пуговицу кремового жакета и стала ждать свой заказ.

Я уже привыкла к этой ежедневной картине, поэтому мельком глянув на них, продолжила редактировать статью в своем ноутбуке.

Время было обеденное, около часу пополудни, и солнце будто уперлось в полуопущенную штору одного из окон в баре – одном из десятка на корабле. Я, заработавшись, снова пропустила тот неловкий момент, когда резко становится жарко, а раздеться на людях совершенно невозможно.

"Интересно, я когда-нибудь научусь правильно одеваться к обеду?", – рассеянно спросила я себя и снова углубилась в свои тексты. Мне бы тоже стоило снять свой шерстяной пуловер, но здесь это было неудобно, поскольку в одной майке было бы прохладно. Так я и сидела в этом баре уже второй день от завтрака до обеда, не отрываясь от экрана компьютера и проклиная свое неумение решительно отказываться от настоячивых просьб «доработать материал в отпуске».

***

Через некоторое время, подняв уставшие глаза от клавиатуры, я обнаружила, что за мной следят. Впрочем, вполне доброжелательно. В ответ на мой вопрошающий взгляд, дама приветливо улыбнулась мне, и немного церемонно поднялась с кресла и направилась ко мне с вопросом:

– Милочка, Вы позволите?

– Да, конечно, – ответила я без особой приветливости, по-прежнему погруженная в свой текст. Моя гостья аккуратно, будто на фэйф-о-клоке у королевы, присела напротив меня, при этом еще больше выпрямив спину. Она положила на соседнее кресло сумочку известного бренда, а на стол – белую объемную папку не то с каким-то гербом, не то с вензелем.

Через несколько секунд, сохранив файл и сделав его копию, я подняла голову и наконец повернулась к своей нежданной визави. Она сидела слегка наклонив голову, словно оценивая меня. Улыбнувшись и сделав положенную по правилам этикета паузу, дама заговорила со мной мягким, словно бы обволакивающим голосом:

– Вы уж простите меня за любопытство, но я давно за Вами наблюдаю. И с удовольствием отмечаю, что Вам явно нравится Ваша работа. Вы – журналист или редактор? Или, может быть, Вы еще и литагент – тогда мне с Вами вдвойне повезло...

– Повезло? В каком смысле? – не понимающим тоном спросила я, мысленно прикидывая, что этой женщине может быть нужно от меня.

Дама на секунду запнулась, потом неожиданно потешно махнула рукой и засмеялась, указывая на папку, лежащую на столе:

– Вы знаете, я до сих пор не решалась кому-либо показать это, но почему-то Вы вызываете у меня доверие. Меня зовут Элизабет, а это – мои записи на протяжении последних сорока лет. Хотелось бы узнать цены на подобную макулатуру – за такое вообще платят? – пошутила она, но быстро спохватилась. – А если серьезно – то, может, Вы окинете это своим профессиональным оком? Насколько они...

Я мысленно застонала. Друзья всю жизнь мне говорят, что мое лицо, как открытая книга, но дама, похоже, сама хорошо разбиралась в людских эмоциях и поспешила закончить:

– ... могут быть кому-то интересны? Стоит ли доводить их до конца?

– Вы имеете ввиду, стоит ли дописывать? – пока я мысленно пыталась подобрать вежливые слова отказа, моя собеседница подняла указательный палец, и сделав многозначительное лицо, добавила:

– Да. Например, здесь, в трех главах, описаны сердечные тайны моей подруги, голливудской дивы, и Вы тоже ее знаете! Конечно, об этом мог никто никогда не узнать, но мне она разрешила это опубликовать! А также рассказ о поздней страсти уже немолодого президента одной из мировых корпораций. Здесь описана история любви фигуриста – чемпиона мира к его ученице–тинейджеру, а после – чем это все у них закончилось. А еще через одну главу...

И, увидев, что я расслабила плечи и сдалась, продолжала уже в своем обычном, неторопливом стиле:

– В общем, поверьте, в этих записях есть много интересного! И все описанные события – реальные. Это мой, как я его называю, «сборник прижизненных историй». Тут есть и совсем ранние «творения юношеских лет», и недавние истории. И, конечно, много воспоминаний, куда же без них? – дама вздохнула и сразу же поправила себя:

– Но Вам, наверное, все это будет неинтересно?

Я представилась, и как могла, изобразила лицом и плечами вежливое «ну что Вы, как такое может быть?», и незнакомка приободрилась, развязала шелковые тесемки и раскрыла папку:

– А вот, извольте, милочка, я сейчас вам прочту... Ах, нет! Не выйдет – я забыла взять свои «вторые глаза». Вынуждена покинуть Вас на пару минут, чтобы сходить за очками, Вы ведь позволите? Нет–нет, не вставайте, я ненадолго и недалеко – моя каюта первая слева, – величаво поднявшись, дама направилась в сторону выхода.

Я опасливо покосилась в сторону объемной папки. Что меня ждет в этой рукописи? Мемуары богатой бездельницы? Она уже успела ее раскрыть и мне была видна плотная хорошая бумага с текстом, напечатанным крупным шрифтом.

Я не удержалась, и украдкой протянув руку, быстро перелистала страницы, бегло читая их наугад. Затем увлеклась, и уже не скрываясь, стала читать кусками, вынимая кипы страниц из папки.

Моя незнакомка все не шла, а я все с большим увлечением листала рукопись – молча, но изумленно поднимая брови, а временами и закусывая губу, чтобы не рассмеяться.

Вот такие фрагменты выхватывал мой взгляд на страницах этой нежданной рукописи:

"...я тогда работала маникюршей, после того, как моя свекровь решила, что мне из преподавателей музыки нужно срочно переквалифицироваться в салонного мастера, как она сама... Якобы в Америке профессия учителя музыки не востребована, а вот маникюрши там очень нужны..."

"...мужу на собеседовании в студии Дисней задали всего два вопроса – какой из диснеевских мультиков – его любимый, и какое пиво(!) он предпочитает, после чего его приняли программистом..."

"...надо сказать, в это дело я попала достаточно поздно, это было занятием для молодых, а мне уже было за сорок, когда я пошла учиться... Но когда дело действительно дошло до программирования, то я оказалась выше по знаниям всех сопливых пацанов... Что значит иметь голову на плечах!"

На этом фрагменте я удивилась и даже несколько раз перечитала его, не понимая, как моя собеседница может описывать давнюю историю как то, что происходило с ней в возрасте более сорока лет, если она и сейчас выглядит максимум на сорок три... Сколько же ей должно быть сейчас на самом деле? Это было странно, но я решила не отвлекаться и продолжила читать.

"...это было, когда я была актрисой в Лос-Анджелесе и ходила на кастинги. Но когда мне за получение роли предложили переспать с женщиной, моего терпения не хватило и я закончила с этим грязным делом. Хотя позже частенько задумывалась, а не была ли я дурой... Может, могла и потерпеть, а сейчас была бы знаменитой, как Мила Кунис или сестры Габор..."

"...ты что – не знаешь, от чего постель мнется? От секса! – читая, смеялась в слух я, не в силах остановиться. – Ты в кино такого не видел?..."

Ого! В моих глазах портрет дамы становился все более многослойным.

***

А-а-а, – услышала я над ухом. – Я вижу, Вы уже познакомились. С верной мне подругой – моей рукописью.

Я подняла смеющиеся глаза на незнакомку и не нашла, что сказать.

– Вас, наверное, удивил, так сказать, подбор историй, их фактура и антураж.

Я засмелаясь и ответила:

– да. Знаете, образ вырисовывается, как бы это сказать... Не совсем соответствующий... – и я, неосознанно подражая даме, сделала плавный жест в ее сторону.

– А, Вы об этом.... Знаете, тут не все обо мне. Это я собирала материалы с моих хороших знакомых. На некоторых из них получилось целое досье, – заговорщицким голосом заключила моя собеседница, усаживаясь на этот раз немного сбоку от меня.

***

Что я могу сказать... Скучно с ней не было ни минуты. Мы проговорили два часа, договорившись о том, что я подредактирую рукопись, и у меня ни разу не возникло желания найти предлог вежливо попрощаться и уйти. Я узнала о том, что у Элизабет, как и у меня, русские корни, чего никак нельзя было сказать по ее чисто американскому образу. В какой-то момент я спохватилась и поняла, что пора отсылать мои файлы в набор.

На прощанье дама пожала мне руку и сказала:

– Очень рада этому знакомству.

А после ушла, оставив меня в некотором смятении.

Я аккуратно собрала все фрагменты книги, перебрала их сложила их в хронологическом, как мне показалось, порядке, но снова не удержалась и раскрыла папку...

Хотя Элизабет и говорила о своих мемуарах в шутливом тоне, было ясно, что это – бравада, и что на самом деле они очень важны для нее.

Может быть, даже слишком важны.

Я посмотрела на часы – у меня еще оставалось время, открыла первую страницу рукописи и начала читать:

"Я набрала побольше воздуха в легкие и вошла в здание аэропорта..."